

И. С. Гурвич

БЫЛА ЛИ ИЗВЕСТНА ЮКАГИРАМ ЭКЗОГАМИЯ?

Социальное устройство юкагиров неоднократно привлекало к себе внимание исследователей.

Юкагиры — единственный народ Сибири, сохранявший еще до второй половины XIX в. матрилокальный брак.

В. И. Иохельсон, обнаруживший этот обычай, рассматривал общественный строй юкагиров как «зачаточную ступень в прогрессивном развитии общества»¹.

По мнению Л. Я. Штернберга, у юкагиров бытовал деформированный материнский род². П. И. Борисковский высказал предположение, что до прихода русских материнский род у юкагиров существовал как производственная единица³. Напротив, по мнению Н. Н. Степанова, М. В. Степановой, Б. О. Долгих и других, общественный строй юкагиров в XVII в. был патриархально-родовым, хотя и сохранял пережитки материнского рода⁴.

Для определения социальной структуры юкагирского общества весьма существенным показателем является характер экзогамии. Однако данные по этому вопросу в литературе отсутствуют.

Из указания В. И. Иохельсона о том, что браки у юкагиров могут заключаться с самыми близкими родственниками, напрашивается вывод, что юкагиры вообще не знали экзогамных запретов⁵.

Опрос современных юкагиров, в значительной мере утерявших свои исконные обычаи, смешавшихся с эвенгами и якутами, мало что дает для понимания былых экзогамных правил. Однако архивные материалы XVIII—XIX вв. позволяют внести некоторую ясность в этот вопрос.

В Музее Арктики и Антарктики (Ленинград) хранится архив старост 3-го Омолонского юкагирского рода, персланный сюда местными любителями старины⁶. В этом небольшом фонде имеются дела, рисующие как состояние этого рода, так и данные, позволяющие судить о характере браков.

Что же представлял собой 3-й Омолонский род в конце XVIII — начале XIX в.?

Согласно датированным 1777 г. ответам князца рода Кузьмы Щербакова на запрос из Средне-Колымского комиссарского правления, сколько в его наслеге людей состоит в ясачном платеже, сколько малолетних и «особливо женского пола», видно, что в 3-м Омолонском роде значилось 25 человек обоего пола, в том числе 7 плательщиков ясака, 2 малолетних и 16 женщин (д. 626, лл. 7—8). В ведомости указывалось, что члены рода «жительство имеют вверх по Омолону».

По ревизии 1793 г. в 3-м Омолонском роде было 28 человек (д. 626, лл. 9—10), а по ревизии 1812 г. — 36, в том числе мужчин старше 50 лет 3 чел., от 16 до 50 лет — 7 чел., детей — 8 человек (лл. 14, 59—60).

В начале XIX в. 3-й Омолонский род должен был вносить ясак в размере 19 соболей или 28 руб. 50 коп. (д. 569, л. 29), что по тем временам представляло весьма значительную сумму.

¹ В. И. Иохельсон, По рекам Ясачной и Коркодону. Древний и современный юкагирский быт и письмена, «Известия Рус. Геогр. общества», т. 34, вып. 3, 1898, стр. 4.

² Л. Я. Штернберг, Семья и род у народов Северо-Восточной Азии, Л., 1933, стр. 153—154.

³ П. И. Борисковский, О пережитках родовых отношений на северо-востоке Азии (юкагиры и коряки), «Сов. этнография», 1935, № 4—5.

⁴ Н. Н. Степанов, Малые народы Якутии, в кн. «История Якутской АССР», т. II, М., 1957, стр. 106; «Народы Сибири», М., 1956, стр. 893; Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., М., 1960, стр. 438.

⁵ В. И. Иохельсон, К вопросу об исчезнувших народностях Колымского округа, «Известия Восточно-Сибирского отд. РГО», т. XXIX, 1898, № 1, стр. 35.

⁶ Публикацию об этом фонде см.: А. А. Бурова, Архив князцов 3-го Омолонского юкагирского рода, «Доклады по этнографии. Отделение этнографии Всесоюзного географического общества», Л., 1967, стр. 24—36.

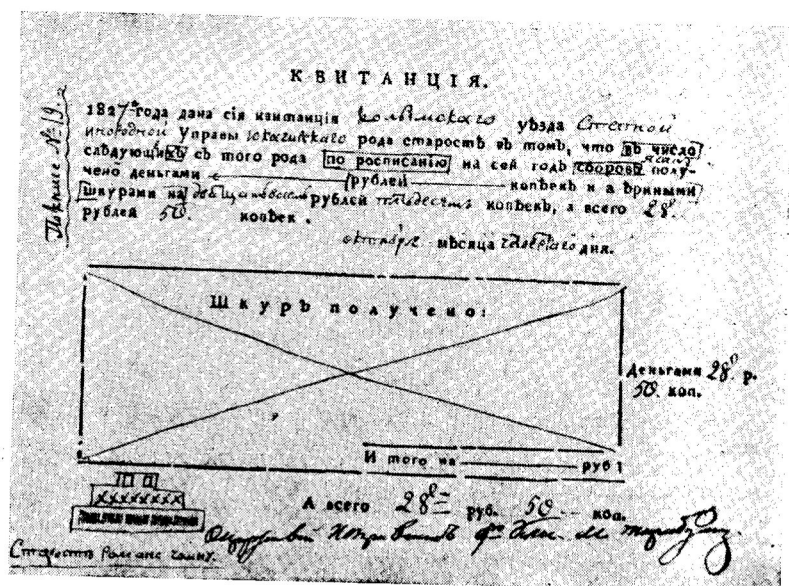

Рис. 1. Квитанция о приеме ясак с якугиров 3-го Омолонского рода за 1827 г. с условным обозначением суммы: квадратами показаны десятки рублей, крестами — рубли, черточками — копейки. Музей Арктики и Антарктики, д. 569, л. 27

Из ведомости 1829 г. «Об имуществе народцев», составленной старостой этого рода Романом Чайным, видно, что все имущество рода состояло из 8 «юрт чумовых», 4 оленей, 6 охотничьих и 17 ездовых собак (д. 569, л. 29).

В особой ведомости староста сообщил о кочевьях рода. «Сородцы сего рода имеют главные кочевья по вершинам рек Омолону, Большому и Малому Анюям, между оными по хребтам и мелким рекам, именно расстоянием по Омолону до Большого Анюя на 10 дней пути, от Большого Анюя до Анадыра на 30 дней пути» (д. 569, л. 28).

Опись имущества, по нашему мнению, свидетельствует, что члены 3-го Омолонского рода не вели общего хозяйства и даже не проживали совместно. Владельцы оленей, очевидно, занимались преимущественно охотой; главным занятием владельцев ездовых собак была охота на диких оленей на переправах и рыболовство. О занятиях нижеколымских якугиров в конце XVIII в. сохранились интересные свидетельства прапорщиков геодезии Ивана Леонтьева, Ивана Лысова и Алексея Пушкарева, описывавших устье Колымы и Медвежий острова. «Живущие по Анюям и Омолону рекам новокрещенные якугиры рыбы в летнее время не промышляют, разье осенью и то не каждой, а довольствуютца оленным промыслом, как то олени весною из лесов идут к морю, а летом августа в первых числах возвращающа обратно и через помянутые реки плывут и называют оленьими плавлями»⁷.

Сохранившиеся в деле рисунки демонстрируют кочевья якугиров, охоту на оленей. В архиве старост 3-го Омолонского рода имеются посемейные именные списки членов рода, ревизские сказки и метрические книги. Особый интерес для нас представляет ревизская сказка 1793 г. с указанием родовой принадлежности жен-чужеродок (д. 626, лл. 9, 10).

Нет необходимости приводить здесь эту ревизскую сказку полностью, изложим лишь данные о браках.

Князец Козьма Щербаков 54 лет. «У него жена Наталья Тимофеева не казачьих дочерей, 61 года» (л. 9).

Константин Семенов 15 лет. «У Константина жена Сима Андреева, взятая из Чуванского роду, 19 лет».

Семен Чичаков 43 лет. «У него жена Парасковья Васильева, взятая из Ламутского Уяганского роду, 46 лет».

«У него (Семена Чичиканова.— И. Г.) написанный в бывшую перепись сын Павел» 15 лет. «У него (Павла.— И. Г.) жена Аграфена Семенова из Чуванского роду 18 лет».

⁷ Центральный государственный архив древних актов. Фонд 24, оп. 1, д. 55, л. 20 об. 1773 г. Дело о путешествии от устья реки Колымы к Северному морю прапорщиков геодезии Ивана Леонтьева, Ивана Лысова и Алексея Пушкарева.

Рис. 2. Нижнеколымские юагагры на кочевке. ЦГАДА, ф. 24, оп. 1, д. 55

«Вдова Екатерина Чаина, взятая из Ламутского Каменного роду, отдана за ламута за Уяганского Ивана».

Николай Чаин 26 лет. «У него жена Евдокия Антонова, взятая из Омотского роду», 40 лет.

В этой ревизской сказке указывается также, в какой род отданы были в замужество девушки.

Макрина Щербакова, по предыдущей ревизии (1782 г.—И. Г.) ей было 10 лет, «отдана в замужество за Дельянского ламута Степана Дьячкова».

Степанида Щербакова, по предыдущей ревизии ей было 8 лет, «отдана в замужество за юагира Рыбникова рода Петра Миренина».

Варвара Щербакова, по предыдущей ревизии ей было 7 лет, «отдана в замужество за чуванца Семена Алексеева».

Но в этом же документе имеются и записи, свидетельствующие, на первый взгляд, о том, что юагагры брали жен и из своего рода.

Старшина Федор Михайлов Чаин, 45 лет. «У него жена Фекла Афанасьева, взята из Юагирского Омолонского роду», 31 года.

Федор Щербаков, 41 год. «У него жена Матрена Афанасьева, взятая из Юагирского Омолонского роду», 46 лет.

Иван Чаин, 44 лет. «У него жена Матрена, взятая из Юагирского Омолонского роду», 25 лет.

Умерший в 1791 г. Григорий Семенов имел жену Ирину, взятую из Юагирского Омолонского рода. Она умерла за два года до смерти Семенова.

Однако упомянутые в ревизской сказке жены из Юагирского Омолонского рода не происходили из 3-го Омолонского рода. Ознакомление с именным списком 1777 г. «ясачных плательщиков 3-го Омолонского рода, також и незаписанных в ясачный платеж малолетних мужска и особливо женска пола людей» показывает, что в этом роде не было человека под именем Афанасий, не было и девицы Феклы Афанасьевой. Не обнаружена в этом списке Матрена, будущая жена Ивана Чаина. Матрена Афанасьева в 1777 г. уже была замужем за Федором Щербаковым, а Ирина за Григорием Семеновым Чаиным. Сличение списков 1793 г. и 1777 г. убеждает в том, что юагагры 3-го Омолонского рода брали жен не из своего, а из других Омолонских родов. В переписи 1769 г., произведенной Первой ясачной комиссией в Нижне-Колымском ведомстве, значился Омолонский род старосты Никулина (23 муж. души), Омолонский род старосты Федорова (22 муж. души) и Юагирский род старосты Щербакова (16 муж. душ), получивший впоследствии название 3-й Омолонский⁸. Упомянутые в ревизии 1783 г. жены, взятые из Юагирского Омолонского рода, происходили, очевидно, из 1-го или 2-го Омолонских родов.

Таким образом, юагагры 3-го Омолонского рода находились в брачных связях с Чуванским, Уяганским ламутским, Каменным ламутским, Дельянским ламутским⁹, Омотским юагирским, Рыбниковым юагирским, 1-м или 2-м Омолонскими юагирскими родами и русскими казаками.

Соблюдение юагагрями экзогамии подтверждается и метрическими книгами.

В 1807 г. Иркутское губернское правительство, ссылаясь на указ 1-го Департамента Сената от 1802 г., предложило князям вести метрические книги (д. 626, лл. 40—44).

Приведем записи из метрической книги князца 3-го Омолонского рода Ивана Чаина (д. 626, лл. 40—44). Во второй части книги («Часть вторая с браками сочетавшихся на 1807 год») сообщается: «Венчан Егор Щербаков (из 3-го Омолонского рода.—И. Г.)

⁸ И. С. Гурвич, Этническая история Северо-Востока Сибири, М., 1966, стр. 72.

⁹ Ламуты Дельянского рода находились в тесной связи с юагагрями и впоследствии, как показал В. И. Иохельсон, усвоили юагирскую культуру и язык (В. И. Иохельсон, Заметки о населении Якутской области в историко-этнографическом отношении, СПб., 1895, стр. 25).

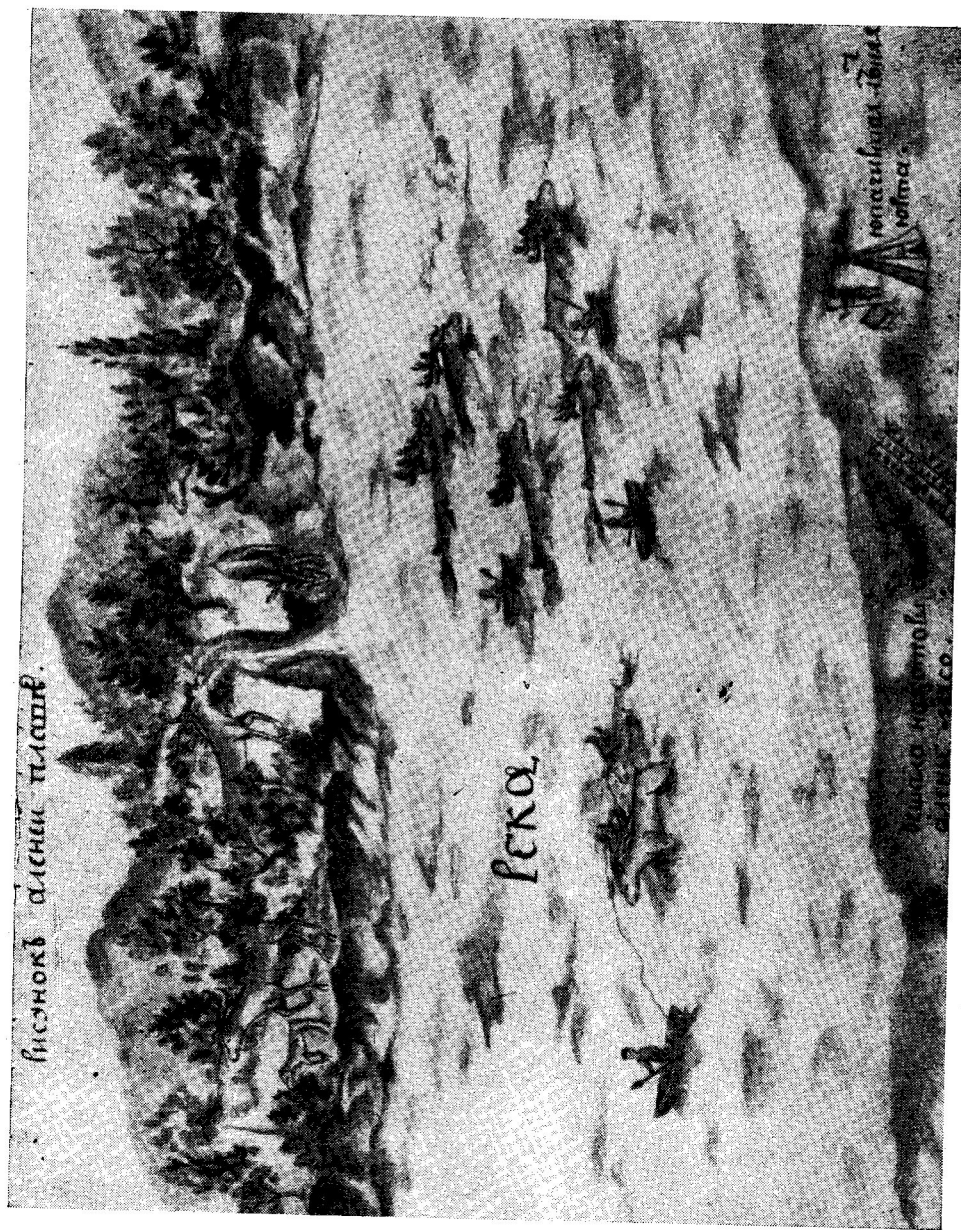

Рис. 3. Охота на оленей. ЦГАДА, ф. 24, оп. 1, д. 55

По послѣдней 1782 года ревизіи въ подушномъ окладѣ людей и крестьянъ, сіе показаніемъ изъ того числа разными случаями убытокъ и послѣ ревизіи множи рожденныхъ и прибавныхъ, по самой истинѣ безъ всякой утайки; а буде хвѣтъ въ средѣ обанченъ лѣтъ, или по сличеніислупу найдется, что кого либо утай- ки, то повиненъ положенному по указамъ штрафу безъ всякаго милосердія.

Звание и имяна мужеска и женска полу людей.	МУЖЕСКА			ЖЕНСКА		
	Помощь в нем числ по-лицо с душой о-лаб напика-ним бман.	Наб погоснмб числ по-лицо с душой о-лаб напика-ним бман.	Наб погоснмб числ по-лицо с душой о-лаб напика-ним бман.	Наб погоснмб числ по-лицо с душой о-лаб напика-ним бман.	Наб погоснмб числ по-лицо с душой о-лаб напика-ним бман.	Наб погоснмб числ по-лицо с душой о-лаб напика-ним бман.
	Абша	Абша	Абша	Абша	Абша	Абша
Дружбъ и недружбъ	43		57 ^x			
Убого вѣсна катко				50		61
Убого вѣсна катко			45 ^x			
Убого вѣсна катко	74			20		31
Убого вѣсна катко						
Убого вѣсна катко			19 ^x			
Убого вѣсна катко	3		1 ^x			
Убого вѣсна катко			41 ^x			
Убого вѣсна катко	30			35 ^x		46

Ламутского роду Андрея Гарулина на дочери его Ульяне», поручителем был Михаил Харитонов из Омского рода (д. 626, л. 44).
«Венчан Алексей Чаин (из 3-го Омолонского рода.—И. Г.) ламутского Дельянского роду Константина Шарылова на дочери его Матрене». Поручителем был Федор Чаин из Омолонского рода (там же).
В 1808 г. браков заключено не было.
В метрической книге 1809 г. был зарегистрирован один брак.
«Венчан брак Омолонского юкагирского роду князя Ивана Чаина сын его Федосий [на] Егонского (Уяганского.—И. Г.) роду князя Якова Тайшина, умершего родника его Афанасия Дьячкова на дочери его Ирине первым браком» (там же, л. 51).
В 1810—1811 гг. браки не заключались.
В 1812 г. имеется запись: «Венчан Андрей Чаин Чуванского роду Василия Нижегородова на дочери его Евдокии первым браком» (там же, л. 55).

Наконец, в 1813 г. встречается запись о браке, как будто бы заключенном в нарушение обычая экзогамии. «Венчан Лаврентий Чаин умершего (ламута зечеркнуто.— И. Г.) Козьмы Шербакова на дочери его Марии первым браком» (там же).

Но Козьма Шербаков из 3-го Омолонского рода, бывший князец, умер в 1808 г. в возрасте 96 лет (там же, л. 45), детей у него в то время, судя по спискам этого рода за 1812 г., не было, в списке значилась лишь его вдова Евдокия (там же, л. 59). Очевидно, речь идет об однофамильце бывшего князца.

Таким образом, записи о браках в метрических книгах так же свидетельствуют о том, что юкагиры не брали жен в своем роде.

Это тем более интересно, что в XVIII—XIX вв. русская администрация стала включать в состав поредевших юкагирских родов пришельцев, причислять отдельные группы юкагиров к родам иного происхождения. Так, во время ревизии 1793 г. в состав 3-го Омолонского рода были включены несколько семей из Ушканского юкагирского рода и Уяганского ламутского рода, всего 14 человек (там же, л. 10 об.). Перечисленные ушканцы имели жен ламуток.

Вследствие малочисленности юкагиров соблюдение обычая экзогамии вело к постепенному смешению их с соседями иного этнического происхождения. В конце XVIII в. 3-й Омолонский юкагирский род состоял из пяти чисто юкагирских семей (т. е. семей, в которых оба супруга были юкагирами), одной юкагирско-русской, двух юкагирско-чуванских и одной юкагирско-ламутской. Таким образом, почти половина жен членов этого рода были из инородной, иноязычной среды.

Члены 3-го Омолонского юкагирского рода, строго соблюдавшие экзогамию, очевидно, не представляли собой какого-либо исключения, так как находились в тесных взаимоотношениях с другими колымскими юкагирами.

Приведенный материал позволяет сделать вывод, что экзогамия по отцовской линии была характерна для юкагирского рода.

Г. Н. Курилов

О ТЕРМИНАХ РОДСТВА И СВОЙСТВА ТУНДРЕННЫХ ЮКАГИРОВ

Впервые более или менее полные сведения о юкагирской системе родства были собраны В. И. Иохельсоном¹, в работах которого не только приведены термины родства и свойства, но и описаны нормы семейно-брачных отношений колымских и тундренных юкагиров.

В данной статье нам хотелось бы поделиться своими соображениями относительно терминов родства и свойства тундренных юкагиров, так как имеющиеся в нашем распоряжении материалы² несколько отличаются от данных В. И. Иохельсона.

Основные термины родства и свойства тундренных юкагиров охватывают три основные группы родственников с подгруппами³.

- I. хайт'изпул — те, кто старше моего отца.
 - Ia. хайт'из — отец отца, отец матери.
 - Iб. т'умуот'из — старший брат отца.
- II. т'аннийэпул — те, кто старше меня, но моложе моего отца.
 - IIa. от'идиз — младший брат отца.
 - IIб. ака: — старший брат.

¹ В. И. Иохельсон, Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе, ч. I, 1900; его же, The Yukaghir and the Yukaghirized Tungus, «Memoirs of the American Museum of Natural History», vol. XIII, part I, New York, 1910.

² Материалы собирались автором в 1963 г. в Андрюшкинском отделении Нижне-Колымского совхоза Якутской АССР.

³ Это представляет собой в какой-то степени восстановление ранее существовавших правил номинации родственников. Заметные отклонения от этих правил наблюдаются в группе «мое поколение». См. об этом на стр. 94—95.